

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля ЯКОВЛЕВА Георгия Прокофьевича

от 12 января 1944 года.

ЯКОВЛЕВ Г.П., 1897г.р., урож.г. Смоленска, русский, беспартийный, не судим, малограмотный, женат. Работает кухонным рабочим столовой № 2.
 Проживает: гор. Смоленск, ул. Смирнова, дом № 8, кв. № 8.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст.95 УК РСФСР, значение которой разъяснено, предупрежден.

Вопрос: Где Вы проживали и чем занимались до оккупации Смоленской области немецкими войсками?

Ответ: Я все время безвыездно проживал в гор. Смоленске и работал в Управлении НКВД на разных хозяйственных работах до 1938 года, а потом по инвалидности был переведен на пенсию.

Вопрос: Чем вы занимались в период оккупации гор. Смоленска немцами?

Ответ: Весь период оккупации гор. Смоленска я работал от городской управы рабочим по очистке города.

Вопрос: Вы арестовывались немцами?

Ответ: Да, в половине апреля 1943 года я был арестован Смоленской окружной полицией и находился под стражей до 6 мая 1943 года, после чего был переведен в тюрьму гестапо на Киевское шоссе, где пробыл до 26 мая 1943 года был освобожден.

Вопрос: За что вы были арестованы?

Ответ: Меня арестовали как бывшего сотрудника Управления НКВД по Смоленской области. На допросе в полиции от меня вымогали ложные показания о том, что мне, якобы, известно о расстреле Советскими властями военнопленных польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году.

Вопрос: Покажите об этом более подробно.

Ответ: В апреле месяце 1943 года, точно число не помню, меня на улице остановил неизвестный гражданин и спросил - узнаю ли я его и получив отрицательный ответ, заявил: "Помните, я сидел в Смоленской тюрьме, а ты закрывал дверь камеры, в которой я сидел?" Неизвестный оказался следователем полиции АЛЕКСАНДРОВЫМ, который тут же меня задержал и доставил в окружную полицию к начальнику 2 Отдела АЛФЕРЧИКУ.

На допросе АЛФЕРЧИК спросил, работал ли я в НКВД и получив утвердительный ответ, надел на руку свинцовую перчатку и стал избивать. Избитый до потери сознания я был вынесен из кабинета АЛФЕРЧИКА в дежурную комнату, в которой пролежав несколько часов, вновь был вызван на допрос.

При вторичном вызове АЛФЕРЧИК требовал от меня показания о том, что мне как бывшему надзирателю тюрьмы, якобы, известно, что в 1940 году в Смоленской тюрьме содержались под стражей военнопленные польские офицеры, которых перевозили в Катынский лес и там вместе с другими работниками УНКВД производил расстрел.

Когда я сказал АЛФЕРЧИКУ, что во время моей работы в тюрьме я никогда не видел военнопленных польских

офицеров и что в УНКВД не работаю с 1938 года (предъявив при этом ему пенсионную книжку), он вместе с присутствующим на допросе работником полиции, фамилию которого я не знаю, завязали мне голову и рот одеялом, сняли с меня брюки и рубаху, положили на кушетку и начали избивать плетьюми. Что было дальше, я больше ничего не помню; когда же пришел в сознание, оказался в холодной одиночной камере.

После этого меня на допрос стал вызывать следователь полиции АЛЕКСАНДРОВ, который как и АЛФЕРЧИК вымогал от меня те же ложные показания.

На допросе следователь АЛЕКСАНДРОВ заявил: "Нам нужен свидетель, который выступил бы и рассказал, что он являлся очевидцем расстрела польских офицеров в Катынском лесу органами НКВД. Ты, как бывший надзиратель тюрьмы легко можешь сказать, что сам перевозил из тюрьмы в Катынский лес польских офицеров и там их вместе с другими расстреливал. Твой уход из тюрьмы по инвалидности в 1938 году никого интересоваться не будет, так как многим известно, что ты в тюрьме работал и этого достаточно."

При этом АЛЕКСАНДРОВ говорил, что если я не дам таких показаний, они меня расстреляют и, наоборот, если соглашусь выступить в качестве лжесвидетеля, меня освободят из тюрьмы и после этого хорошо устроят мою жизнь. Несмотря на угрозы АЛЕКСАНДРОВА и его обещания, я отказался давать ложные показания, за что в течение всех четырех допросов жестоко избивался АЛЕКСАНДРОВЫМ, а потом, как я уже показывал выше, 6 мая 1943 года был

отправлен в гестапо.

Вопрос: В гестапо вас допрашивали?

Ответ: В гестапо меня допрашивал четыре раза следователь немец, лет 35, блондин, среднего роста с переводчицей. Фамилий их я не знаю.

Вопрос: О чем вас допрашивали в гестапо?

Ответ: В гестапо от меня вымогали те же показания, что и в полиции. В гестапо мне прочитали протокол моего допроса, написанный АЛЕКСАНДРОВЫМ в полиции, в котором указывалось, что я не принимая непосредственного участия в расстреле военнопленных польских офицеров, нес охрану при перевозке их из тюрьмы в Катынский лес и присутствовал при их расстреле работниками НКВД в 1940 году.

Протокол был мною подписан, но содержание его я узнал только после того, когда мне об этом сназал следователь гестапо. Когда в полиции АЛЕКСАНДРОВ зачитывал мне протокол допроса, там этого записано не было, но он потребовал от меня подписать одну страницу протокола допроса, которая была половина написана, очевидно, АЛЕКСАНДРОВ вписал в эту страницу то, что ему было нужно. Когда в гестапо требовали от меня подтвердить мои показания, записанные в протоколе допроса, я от этого отказался и заявил, что мною таких показаний не давалось. После этого следователь-немец начал избивать меня палкой по голове и так продолжалось в течение четырех допросов.

Вопрос: А в гестапо ваши показания записывались?

Ответ: Да, мои показания записывались следователем на пишущей машинке, которые как и в полиции я подписывал, хотя содержание протокола допроса я не знал и зачитывать мне их отказались.

Хочу добавить, что вместе со мной в тюрьме сидели бывшие работники Управления НКВД, работавшие на разных хозяйственных работах - МЕДВЕДЕВ Алексей Николаевич, КАВЕРЗЕВ, КОВАЛЕВ, ИГНАТЮК и АЛЕКСЕЕНКО, имя и отчества их не знаю, от которых также как и от меня требовали ложные показания о том, что им якобы известно о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году советскими властями. Об этом я узнал в гестапо когда нас всех посадили в одну камеру, что дало нам возможность выяснить причины нашего ареста. Ложных показаний, требуемых от нас полицией и гестапо - никто не дал.

В процессе следствия мне дали очную ставку в полиции с КАВЕРЗНЕВЫМ, на которой я подтвердил его службу в тюрьме, так как когда я отказался от этого, меня за это сильно избивали и в конце концов был вынужден показать об этом.

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан:

(ЯКОВЛЕВ)

Допросил: СОТРУДНИК 2 УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
Подполковник Госуд. Безопасн.

(КОЛДАЕВ).

*Верно: Нач. отделения 2-го НКВД СССР
майор безопасности
Меретука*